

УДК 316.733

В.П. Козырьков**ЭСТЕТИЗМ КАК ФАКТОР СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ СОЦИОЛОГИИ:
РОМАНТИЗМ КАК СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО
СТАНОВЛЕНИЯ СОЦИОЛОГИИ**

Нижегородский государственный технический университет им. Р.Е. Алексеева

Прослежена внутренняя взаимосвязь процесса эстетизации общественных отношений и развития социологии в контексте развития духовной культуры.

Ключевые слова: эстетизм, социология, романтизм, социокультурный анализ, эстетизация, типы социальной рациональности.

Введение

Цель предлагаемых статей – показать внутреннюю взаимосвязь процесса эстетизации общественных отношений и развития социологии в контексте развития духовной культуры.

Данная цель вызвана тем обстоятельством, что по общему признанию аналитиков современная социология находится в состоянии глубокого кризиса. Мы будем исходить именно из такой оценки, но сам кризис будет толковаться не как разрушение системы социологических знаний и депрессия в рядах социологов, к чему кризис нередко сводится состояние кризиса, а как состояние, в котором происходит образование новых тенденций развития, которые можно рассматривать как возможные способы разрешения противоречий в развитии социологии. Причем этот процесс имеет социокультурный характер, и каждая новая тенденция отвечает определенным потребностям исторического развития общества, культуры и личности. И мы не можем сказать, что в истории социологии какая-то ее ветвь была бесполезной или даже вредной для будущего. Важно избежать такой односторонности, и не выделить такую логику становления и развития социологии, которая прямым путем приводит к современному состоянию, которое, как мы уже отметили, является кризисным. Поэтому, наблюдая и анализируя эту творческую духовную лабораторию в ее актуальном прошлом, мы не можем со всей определенностью утверждать, что результат обязательно получится тот, который предначертан легендарным прошлым современной социологии. Легенды о своем прошлом мы создаем сами для подкрепления своей современной правоты. История социологии самоценна и содержит в себе зачатки таких тенденций, которые могли бы стать нечто более значимым, чем это получилось в действительности, но в силу исторических обстоятельств этого не случилось. Поэтому возможны различные «заходы» в пространство историю социологии, которые позволяют очередной раз подумать о характере социологического знания и месте социологии в системе духовной культуры. При многообразии таких непредвзятых подходов, порождаемых самим историческим процессом развития социологии в контексте культуры, может сложиться не только целостная картина эволюции социального знания, но и могут быть найдены опорные точки в поиске новых направлений выхода из современного кризисного состояния.

Таким образом, одна из задач цикла статей – разрушить стереотипы, сложившиеся в современной социологии о судьбе самой социологии. Так, давно стало уже стереотипным представление, что социология возникла как некий ответ на объективные социальные проблемы, связанные с развитием индустриального, капиталистического общества. Затронув гениальную душу Сен-Симона, Фурье, Кетле, Конта, Маркса, Спенсера и др., включая более ранних мыслителей (Вико, Гоббс, Монтескье Руссо др.), эти проблемы, якобы, вызвали к жизни новую социальную науку, социологию, без которой дальше общество уже развиваться

не могло. Следовательно, идеи этих авторов в их совокупности, но только освобожденное от того, что составляло содержания исторической социокультурной среды, и есть, якобы, достижение социологии в стадии ее становления. Таким образом, подход, который берется за основу к изучению становления социологии, напоминает идею, исповедовавшуюся в недавнем прошлом по отношению к исторической науке вообще: история – это политика, опрокинутая в прошлое. Теперь только в качестве истории фигурирует социология, и мы можем сказать, перефразируя историка М.Н. Покровского, история социологии «ничего иного, кроме политики, опрокинутой в прошлое, не представляет». То есть в истории социологии находят только то, что имеется в тематике и проблематике современной социологии, которое во многом еще спелената политическими идеями и целями. Все, что находится за границами этого – тем можно пренебречь. Так, в советское время пренебрегали культурой романтизма, в контексте которой формировалась социология, а в настоящее время продолжают пренебрегать той же культурой романтизма и вдобавок революционными событиями Европы конца XVIII – первой половины XIX веков. В расчет берется только индустриальная революция, требования которой отразилось в идейном наследии О. Конта. При этом идеи Конта рассматриваются как возникшие в социокультурном вакууме, а не как многонаправленный диалог с его современниками, которые имели не меньше амбиций в стремлении создать новую социальную науку. Они не называли себя социологами, но социология, даже будучи уже названной наукой, еще не раз будет менять свои имена после Конта. И наоборот: называя себя социологией, определенная социальная наука вряд ли «дотягивает» до того высокого статуса, как это задумывалось О. Контом и как это думалось многими его последователями или оппонентами.

Таким образом, вот уже началось третье столетие, как социология существует, но до сих пор не утихают споры о судьбе возникшей науки. Какова ее цель? Как возможна вообще социальная наука? Должна ли она кому-то «служить»? Если современное общество не может развиваться без социологии, то каким оно становится, отвергая социологию? Эти и многие другие вопросы постоянно возникают и тревожат профессиональное сознание социологов, а дискуссия нередко переходит в широкую сферу всего общественного сознания. Она тогда становится фактом духовной жизни общества и затрагивает жизнь каждой отдельной личности, обещая что-то ей или выступая в роли академического судьи, который выносит строгий приговор судьбе не отдельным людям, а целым социальным группам, к которым принадлежит тот или иной человек. Например, быть в современной России интеллигенции или нет? Исчерпал свой исторический потенциал рабочий класс или нет? Появится в России когда-нибудь «новое крестьянство» или российские земли навек останутся лишь кладовой сырьевых запасов для всего цивилизованного мира, а крестьянство отомрет через 150 лет после отмены крепостного права?

Как полагает автор статьи, чтобы ответить на эти и подобные вопросы, необходимо детально погрузиться в историю проблемы, а не довольствоваться общими суждениями о причинах возникновения социологии или ее задачах, которые ставили перед собой каждый из социологов. Современное состояние социологии, в особенности в состоянии кризиса, должно быть не площадкой для проявления высокомерия по отношению к идеям прошлого, а более высокой точкой зрения, которая позволяет увидеть в прошлом то, чего его творцы и современники увидеть были не в состоянии.

В частности, как полагает автор статей, социология возникла в эпоху романтизма, которая наложила свою печать на характер социологии. Он выразился, в частности, в том, что, с одной стороны, произошло расширение полномочий воображения, а с другой – романтические корни социальной науки привели к господству эстетизма в социальной науке. И до сих пор социология существует в этом противоречивом состоянии. Отсюда и общее название цикла статей, которое выражает общую черту социологии на стадии ее становления и на современной стадии, когда, казалось бы, социологии превратилась в одну из тех наук, которая объективно востребована обществом, но субъективно эта потребность не находит способа

своего удовлетворения. Поэтому читателю предлагается погрузиться в атмосферу поисков выхода из кризиса, из которого социология успешно вышла в состоянии своего становления. Но теперь она прошла большой цикл в развитии, и ее состояние напоминает то, которой сложилось в европейской культуре двести лет назад. И нам есть чему поучиться у наших предшественников, которые делали свое дело более решительно и не оглядывались ни на власть, ни на великих предшественников, пренебрегая коммерческим интересом. Социология возникла как теоретический, научный способ общественного самосознания, который позволял определить свое место всему гражданскому обществу, а не только отдельным классам или слоям. Это положение между молотом (власть) и наковальной (определенный класс) много бед принесет социологии за двести лет ее истории. Еще большие испытания предстоят ей в будущем, поскольку социальные современные противоречия неизмеримо более острые и более масштабные. Но выбирая роль «третьей стороны», независимого эксперта, социология продолжает делать свое дело, которое она начала двести лет назад, несмотря на все внутренние коллизии и внешние опасности. В этом залог того, что социология сохранит себя и не растворится в многообразии новомодных социальных наук, которые возникают сейчас как грибы после дождя. Впрочем, так же, как двести лет назад, в эпоху революций и романтизма.

Метод – социокультурный анализ, опирающийся на диалектическую методологию. Его суть в том, что для определения специфики социологии необходимо изучение не только произведений основоположников новой науки, но также изучение логики развития новых идей в социокультурном контексте. Следовательно, диалектика познания должна быть «нагружена» реальными социальными и культурными явлениями, которые составили мотивационную духовную основу становления социологии и были той актуальной тематикой, разбираясь в которой социология приобретала свой изначальный облик, претерпевая при этом различные метаморфозы.

Жанр – теоретический анализ. В качестве аргументов обоснования позиции автора послужили исторические факты, факты публикации работ упоминаемых авторов и логика развития социокультурных процессов, приводящих к эстетизации социологии.

К вопросу об эстетизме и эстетическом. Эстетизм не тождественен эстетике. Но для того, чтобы понять природу эстетизма, необходимо определиться с толкованием сути эстетики и природы эстетической реальности.

В своем анализе мы будем исходить из широкого толкания эстетики. С точки зрения такого подхода эстетика есть наука о формах выражения содержания, оцениваемых как отношения прекрасного и безобразного, возвышенного и низменного, трагического и комического и др. ценностные элементы этих отношений, фиксируемые сознанием в виде эстетических категорий. Изначально, следовательно, эстетическая реальность имеет субъектно-объектную природу. Однако в силу ряда причин, о которых будет отмечено далее, категориальная, субъектная сторона эстетических отношений нередко рассматривается абстрактно, вне связи с социальными отношениями и проблемами, что позволяет в социологических исследованиях игнорировать эстетический фактор как совершенно не существенный, не относящийся к предмету социологии. Как правило, под эстетическими факторами в этом случае имеются в виду лишь те элементы общественных отношений, которые связаны с профессиональным искусством. Эстетика объективных общественных отношений и не профессиональных субъектных форм их выражения игнорируется. Но если эстетичность самих общественных отношений не принимается во внимание, то вполне объясним тот факт, почему социология искусства развивается крайне медленно. Другое дело, например, политическая или экономическая социология, которые, якобы, изучают отношения людей в их «чистом виде». Видимо, то, что эта «чистота» достигается за счет очищения от культуры, сторонников этой точки зрения несколько не смущает.

Нередка и противоположная ситуация, когда эстетические отношения объективиру-

ются, но не как результат деятельности человека, а как возникшие стихийно, лишенные социального творчества, но тем, якобы, и ценные для человека, так как в этой стихийности видится подлинная красота жизни. Любая рационализация общественных отношений и управление ими рассматриваются как вмешательство в естественную органичность, как нарушение данной от бога гармонии. Более того: сама субъектность в такой объективации эстетических отношений оценивается лишь как источник низменного, безобразного, комического. Следовательно, в этом случае мы видим не игнорирование субъективной стороны эстетических отношений вообще, а сведение их к негативному ряду эстетических категорий. Как следствие развития этой тенденции в настоящее время можно наблюдать триумфальное шествие эстетики безобразного [1] в современном российском обществе. Именно в эпоху романтиками впервые была разработана эстетика безобразного. В частности, в 1853 г. Розенкранцем, учеником Гегеля, была издана «Эстетика безобразного. Именно в его работе мы находим детальный анализ неправильного, отвратительного, ужасного, тривиального, тошнотворного, преступного, призрачного, дьявольского, колдовского, карикатурного [2].

Таким образом, в самой природе эстетического отношения скрыто внутреннее противоречие, определенный способ разрешения которого позволяет возникать крайним формам проявления эстетического, в которых оно или игнорируется (эстетический нигилизм), или абсолютизируется, но только в негативном ряде категорий (эстетика безобразного, низменного, ужасного). В этих крайних формах не ясна специфика действия эстетической реальности как причинного фактора. В первом случае считается, что эстетической причиной можно пренебречь, а во втором случае эстетический фактор сам бросается в глаза с тенденцией поглотить собой все другие причины социальных процессов. Эстетический феномен даже в своей классической форме как причина чего-либо до сих пор во многом остается загадкой. Мы еще не можем сказать, как возникает та или иная форма эстетического бытия или действует как причина того или иного явления. Раздвоение эстетической реальности на две крайних формы является формальной предпосылкой возникновения морализма (эстетического нигилизма) и эстетизма (имморализма). Но для того, чтобы эти формальные предпосылки стали реальными условиями действительного морализма и эстетизма, необходимы реальные исторические условия и конкретные действия людей, ориентированных на создание крайних форм эстетической реальности.

Имманентность эстетического в социальной реальности и в социологии. Подойдем к решению проблемы с другой стороны – со стороны социальной реальности. Начнем с констатации факта: социальные отношения невозможны без формы своего выражения, то есть без своей эстетической стороны; в свою очередь, эстетические категории имеют смысл лишь тогда, когда они выражают отношения людей по поводу определенных ценностей культуры. Это означает, что эстетический фактор имманентен социальной реальности и неотделим от нее. Точно так же, как неотделимы друг от друга форма и содержание вообще. Если мы принимаем этот факт, то отсюда следует, что социологическое исследование невозможно без учета эстетического фактора.

Отсюда два логических следствия. *Во-первых*, любое социологическое исследование без учета эстетического контекста будет страдать односторонностью, а сами рассматриваемые в них отношения, лишенные формы своего выражения, останутся безликими. *Во-вторых*, если эстетическая сторона явления в социологическом исследовании игнорируется, то внешнюю форму выражения социального будут придавать (создавать) социологи, используя те или иные методы исследования, которые становятся в таком случае «заместителями» эстетической формы, и тем самым приобретают их черты. Эти два обстоятельства является одной из причин того, почему так остра в эмпирических исследованиях необходимость в различного рода схемах, графиках, диаграммах, презентациях и прочих наглядных образах, позволяющих завершить ту форму эстетизации, которая инициирована применяемым методом эмпирического исследования. Разрушая естественную эстетическую форму изучаемого социального явления, социологическое исследование придает ему свою.

Но если это так, то это значит, что даже в случае их игнорирования эстетические отношения остаются в поле зрения социальных наук. Но только попадают они в социологию не с парадного, а с черного входа в виде все большей необходимости использования так называемых «качественных» методов исследования, применения методов социальной феноменологии, составления различного рода «социальных портретов» и «нарративов». Эстетические отношения изучаются, но только различными прикладными науками, отделившимися от социологии в качестве коммерциализированных (адвертология, маркетинг, PR, дизайн и др.) или политизированных (политтехнология, пропаганда и др.) дисциплин. И поскольку в современной культуре эстетический фактор приобрел доминирующий характер [3], то его игнорирование в теории ведет к методологическим издержкам двоякого рода. *Во-первых*, социология видится изолированной от социокультурного контекста, в котором она формируется и воспроизводится; *во-вторых*, происходит отставание теоретической социологии от социальных дисциплин прикладного порядка, которые успешно «оседлали» эстетические отношения и достигли больших практических успехов.

Таким образом, когда эстетизм есть уже политика [4, 228], и современная экономика существует в виде «культурного империализма», склонного, как еще было замечено Р. Макмулленом в 80-е годы прошлого века, эпоху рождения постмодернизма, «превращать эстетику в этику» [5, 213], слабая теоретическая разработанность эстетического фактора в социологии представляется архаикой. В такой ситуации желание исследователей уйти от решения возникшей проблемы видится нечто мистическое. Но, скорее всего, дело не в мистике, а в самых банальных причинах, которые известны всем, но не всеми признаются. И состоит одна из них в том, что теоретическая социология сама поддалась эстетизации, поэтому не стремится «рубить сук на котором сидит».

Да и не получается уйти от эстетического фактора. Несмотря на то, что теоретическая социология игнорирует эстетический фактор, а нередко и общий культурный контекст в целом, вопреки воле социологов складывается эстетизированная социология, включенная в общий процесс эстетизации всей современной культуры. Только в этом случае связь социологии с эстетикой становится превращенной и не осознаваемой. И чем энергичнее социология убегает от эстетики, тем ее эстетизм более интенсивен. Каковы же истоки сложившегося положения, имеет ли оно исторические корни?

Социально-романтические корни эстетизма социологии. Обратимся к истокам эстетизма в социологии. Мне уже приходилось обращаться к проблеме генезиса социологии во взаимосвязи с эстетизмом [6]. Его зародышевые формы можно найти в античной и средневековой культуре. Но в своем зрелом виде эстетизм есть явление позднее для истории культуры. Он появляется тогда, когда впервые осознается кризис культуры (Ж.-Ж. Руссо, Ф. Шиллер и др.) и само понятие культуры входит в интеллектуальный оборот как одна из форм общественного самосознания. Собственно, рождение самой эстетики как науки тоже связано именно с той эпохой, которая предшествовала Великой французской революции, сопровождала ее и была ее следствием. Эстетика и эстетизм в его ранней форме формировались одновременно как духовные формы становления новой культуры и нового общественного устройства, связанного со становлением «третьим сословием» в качестве новой общественной силы. Эстетика не могла бы и появиться, если бы эстетические отношения не приобрели социально значимого характера в такой степени, что сочинения по эстетике стали рождаться одно за другим.

В этой связи можно еще раз упомянуть слова Гете, которые мы уже приводили: «В области эстетики снискать себе похвалу и имя легче: для этого нужно только понравиться, а короткое время нравится все» [6, 11]. Но для нас в данном контексте еще раз важно подчеркнуть, что эстетика становится новой формой общественного самосознания восходящего третьего сословия, городской буржуазии, заявляющей о себе громко, смело и ярко. В этой новой области духовной жизни третьему сословию не уступали и те, кто не желал разрушения «старого порядка», поэтому эстетика стала духовным пространством столкновения двух об-

щественных сил, которые своим художественным произведениям, эстетическим эссе, трактатам, суждениям и речам отдавали потаенные чувства, идеи и замыслы. Так рождались ранние романтические тенденции в развитии культуры, революционные и консервативные. Развитие социальной мысли в этих условиях, когда духовная культура начинает дифференцироваться, порождая новые формы общественного самосознания, не могло не изменить своей формы. В результате на смену обремененным различными религиозными и политическими элементами ранним формам социальной науки (Вико, Гоббс, Монтескье и др.) приходит социальная наука в своей дисциплинарной форме. Или уходит от этой дисциплинарности, отчасти, в соответствии с логикой развития культуры романтизма.

Так что в результате мы получаем, с одной стороны, социологию О. Конта, изложенную в «Курсе позитивной философии» (1830–1842), а с другой, в ту самую эпоху – форму социальной мысли, воплощенную в произведениях основателя герменевтики Ф. Шлейермахера «Речи о религии к образованным людям, ее презирающим» (1799), продолжателя сенсуализма Дестюта де Трасси «Элементы идеологии» (1801), ученика А. Смита, Ж.-Ш. Сисмонди, «Новые начала политической экономии, или О богатстве в его отношении к народонаселению» (1819 г.), основателей анархизма Ж. Прудона «Что такое собственность?» (1840) и М. Штирнера «Единственный и его собственность» (1844). Все эти и многие другие работы в той или иной степени выражали и развивали духовную культуру романтизма и поэтому носили эстетизированную форму. В дискуссии, скрытой или открытой, с этой эстетизированной тенденцией социальной мысли формировалась и развивалась научная форма социальной мысли в творчестве Кетле, Конта, Маркса и др. Но было бы методологически неверным полагать, что при этом в романтизме не было ничего такого, что потом не перешло в идейное наследие Конта или Маркса, Спенсера или Вебера. Романтизм не был «пустой» формой, которую можно было просто отбросить и развивать социологию в ее дисциплинарной чистоте. Как показывает история социологии, черты романтизма и, как следствие, эстетизма, были на всех этапах ее развития. Точно так же, как воспроизводятся социальные корни эстетизма в виде «третьего сословия», которое давно уже не третье, а первое, но родимые пятна его культуры не стираются временем. И если неогельянец Руге в эпоху романтизма писал, что «народ тем более романтичен и элегичен, чем менее благополучно его положение» [7, 114], то в настоящее время эту оценку можно применить к современному обществу, но только добавить к неоромантизму мощное воздействие СМИ, PR и политтехнологий. Понятно, что под воздействием такой духовно-технологической мощи не устоит ни одна социальная наука, трансформируясь в соответствии с новым духом эпохи. Впрочем, не таким уж и новым. Или романтик Стендаль в произведении «Расин и Шекспир» (1823), описывая спор романтика и классика, приводит мнение классика о том, что «зрелое поколение, которое, как и молодежь, не любит читать новых шедевров, требующих работы мысли, но также хочет готовых фраз» [8, 87]. Как это мнение хорошо знакомо по нынешним временам, когда современное поколение тоже не хочет читать книг, требующих работы мысли и «также хочет готовых фраз». Подобных фраз, звучащих очень актуально, в сочинениях романтиков можно найти множество. Уже одно это совпадение духа времени говорит о многом, когда мы ищем корни современного эстетизма.

Эстетизация науки и новые возможности социального познания. Мы отметили, что в романтизме не все было плохо, и социальная наука в своем становлении не могла не опереться на его творческий потенциал. Мало утверждения, что эстетизации социальной мысли происходила в общем социокультурном контексте, в котором художественная форма сознания, достигнув в романтизме своего апогея, затронула и науку в целом, сыграв свою позитивную роль. Доминирование романтического фона в культуре оказало свое особое воздействие на форму становления социологии: научный рационализм стал уступать эстетизму и морализму; или их диалогу, в котором каждый из участников активно обращался к воображению. Таким образом, воображение – вот тот потенциал, который вызвал к жизни новую социальную науку. Но в начале затронем кратко воздействие воображения на развитие науки в целом, чтобы не было искушения обвинить нас в тенденциозности.

В философии науки уже давно признано, что научное исследование невозможно без воображения и без апелляции к феномену красоты [9–10]. Для такого признания нужно было пройти немалый путь, начало которому было положено культурой романтизма, в которой впервые была обоснована идея о том, что научное познание не может довольствоваться только экспериментальными, рациональными и строго логическими формами мышления. Проиллюстрирую это общее соображение конкретными примерами.

Так, известно, что физик И.В. Риттер (1776–1810), создатель электрохимии, считая своими учителями И. Гердера, постоянного оппонента И. Канта, и романтика Новалиса, наиболее поэтичного из теоретиков. В Баварской академии наук Риттер прочитал знаменитую речь «Физика как искусство» (1805), характерную для романтического естествознания. В ней утверждалось, что «воссоединение с расчлененной природой, возвращение к первоначальной гармонии с ней, к чему издавна стремится человек, каждодневно заполняя этим стремлением свои чувства и мысли, – такое воссоединение с ней будет следствием понимания природы и господства над ней... В этом состоянии его жизнь и его дела достигнут высшей истины и красоты. Он сам станет художественным произведением и одновременно художником в отличие от прежнего искусства, которое хотя и служило идеалом для человека, но все же не сливалось с ним. Искусством обычно называют то, что не достигло еще своей высшей точки, а физика в своей целостности не имеет иной цели, как осуществить высшую жизнь и высшие дела, поэтому я осмелюсь дать ей имя искусства, причем более высокого, чем все другие» [11, 165–166]. Возведение физики в ранг искусства звучит не только в духе классического романтизма, но и вполне вписывается в современный социокультурный контекст, когда идет спор о том, способна ли физика действительно стать источником эстетического возвышения природной среды обитания человека или она станет источником ее гибели. Как выясняется, ответить не могут ни физика, ни искусство, поскольку ответ на этот вопрос надо искать в социальной плоскости, а не в природной и не в художественной.

Новаторским толкованием взаимосвязи эстетического и научного познания явились идеи В. Гумбольдта, основоположника теории языкознания. Как справедливо отмечается в популярной ныне Википедии, «он считал, что наука в некотором смысле может совпадать с эстетикой, и выработал свою теорию исторического познания» [12]. Такая гносеологическая позиция позволила В. Гумбольдту довольно точно и дальнорочно оценить предпосылки и характер французской революции, связывая ее с контекстом развития культуры в целом, а не только с особенностями Франции или даже Европы. В частности, немецкий мыслитель в 1797 г. писал: «Пока за пределами человечества многое еще держится прочно и непоколебимо, это внешнее и дает надежные критерии для сравнения, и непосредственно необходим только вопрос: грозит ли опасность этим опорным столпам человеческого благополучия? Но когда все окружающее нас теряет устойчивость, надежное убежище остается только внутри нас, и с тех пор, как в одной из самых важных и развитых частей света произошла фактическая переориентация всех отношений, остается неясным, в какой мере они сохранили стабильность в других местах, тем более что в наш философский век эта переориентация выглядит как нечто единственно правомерное, абсолютно и морально необходимое» [13, 337]. Ясно, что речь идет о революционных событиях во Франции. И мысль о том, что в этих условиях «произошла фактическая переориентация всех отношений», которая есть «нечто единственно правомерное, абсолютно и морально необходимое», звучит социологически точно и актуально до сих пор.

Даже математика не могла не отреагировать на изменившийся дух эпохи с ее «бурей и натиском», связанный с революционным романтизмом во всех его социальных и духовных проявлениях. Классическая наука, развиваясь на основах строгого рационализма, каноны которого задавались математикой, совершила невероятный грех: она стала прибегать к воображению. Для классического типа научного познания это был сильнейший удар. Причем, этот удар был нанесен со стороны самой математики, чего от нее никто не ожидал. В конце 30-х годов прошлого столетия вышло произведение Н.И. Лобачевского, которое он назвал

«Воображаемая геометрия» (1837 г., на французском языке). В области геометрии русский ученый сделал то, что Наполеон в политике: он разбил веками сложившиеся каноны науки и задал новые, невозможные без деятельности воображения.

В этой связи Э.В. Ильенков, ссылаясь на Гете, писал о воображении, что «главная его функция позволяет нам видеть то, что есть, то, что лежит перед глазами, – делать то, что "труднее всего на свете", по словам Гете» [14]. Такая ссылка Э.В. Ильенкова на Гете не случайна, поскольку именно во времена Гете теоретиками культуры романтизма была разработана категория воображения, ставшая, наряду с иронией, самосознанием, игрой и др. понятиями основой классической формы эстетизма. И не случайно, что такую оценку роли воображения делает именно Э. Ильенков, много посвятившего сил для раскрытия природы идеального, диалектике абстрактного и конкретного в марксистском наследии. Именно Марксу, прошедшему в юности школу романтизма, а затем диалектики Гегеля одному из первых удалось «видеть то, что есть, то, что лежит перед глазами» в социальной области.

Следовательно, при всех последующих издержках, эстетизация науки, культивирование в ней функций воображения сыграла позитивную роль в культуре в целом, включая ее научную составляющую в виде формирующейся социологии. Этот факт важно отметить, так как обычно проводят прямую зависимость возникновения социологии от классической естественной науки как экстраполяцию ее методологии на социальную сферу. Нам же важно подчеркнуть опосредованность этого влияния через эстетическую область культуры, в частности, через усиление роли воображения.

В то же время, художественная форма познания в эпоху романтизма далеко не сразу приобрела себе оппонента в виде профессиональной социальной мысли (социологии). Но как только это случалось, то в этой интеллектуальной конкуренции победу одерживало чаще всего искусство. Социология еще только формировалась, а те ее формы, которые существовали, не имели такого авторитета и воздействия, как творчество великих писателей, поэтов, композиторов и художников романтической эпохи, имена которых стали известны всему миру: Шиллер и Гете, Бетховен и Глинка, Андерсен и Гофман, Делакруа и Брюллов и др. Что касается социологов, то его идеи вскорости потеряли свою популярность. Социологические работы Маркса («Экономическо-философские рукописи 1844 г.», «Немецкая идеология» (1845-46 гг.) и др.) были опубликованы только в XX веке, а те, которые получили распространение, часто догматизировались в политическом духе.

Основные направления становления социальной науки. Итак, создалась социокультурная ситуация, в которой развитие науки было невозможно без синтеза с искусством, в котором всегда культивировалось воображение как способ познания. Но в первую очередь этот синтез был необходим для создания социальной науки, о необходимости которой говорили все просветители, и было немало высказано гениальных идей для ее создания (Вико, Монтескье, Гоббс, Руссо, Гельвеций, Гердер, Кондорсе и др.). В начале XIX века, в эпоху романтизма, развернулась интенсивная духовная работа по созданию этой науки в нескольких направлениях.

Одно направление рассматривало создание социологии как «надстраивание» еще одной науки над уже существующими науками, где важнейшей основой является математика (Кетле, О. Конт и др.). Второе направление за основу выбрало эстетический подход, который во многом уже культивировался просветителями, но достиг своего апогея в культуре романтизма (Бальзак, Стендаль, Скотт и др. писатели романтики). Третье направление связано с синтезом возможности искусства и математики, что стало возможно на основе диалектики (Гегель, Маркс). Наша задача состоит в том, чтобы понять логику взаимосвязи этих направлений.

Строго говоря, между первым и вторым направлением нет принципиальной разницы. Поэтому можно сказать, что в действительности были выбраны и стали культивироваться в общественном сознании в самом общем виде два пути и два способа познания: эстетизм и диалектика. Каждый из них включает в себя различные оттенки, которые не размывают и, тем более, не отменяют этих двух общих тенденций. Но сведя все многообразие к двум основным направлениям, мы сможем рассмотреть эстетизм и диалектику не внешним образом,

а социологически, социокультурно, не вдаваясь в философские или филологические тонкости анализа их проявления в культуре.

Итак, выделяются два стиля, два способа мышления, два типа духовности, которые, однажды возникнув, сопровождают человечество уже два столетия, то сталкиваясь, то расходясь в крайние позиции. Это, конечно, не значит, что после исторического выбора исчезли все остальные формы мышления. Наоборот: новые идеи и возникают в критике идей старых, в их преодолении с замыслом, что вместе с идеями исчезнут и старые отношения, которые они, собственно, и выражают.

Предромантизм как предпосылка социологии. В литературе по истории социологии в качестве непосредственных истоков социологии обычно называются те идеи и творчество тех мыслителей, которые логично назвать: Кондорсе, Сен-Симона, Кетле и др. просветителей социальной направленности. Содержание идей этих авторов тождественны по своему типу с идеями Конта или Маркса. Казалось бы, иначе и быть не может: если кто-то высказал социологическую идею в современном понимании существа социологичности, то в последующие годы любое совпадение с ней будет ее продолжением, поэтому кто-то сразу попадает в ряд предшественников. Но история не протекает так линейно и гладко. Новые идеи в определенную эпоху, когда возникла необходимость в этих идеях, рождаются в разное время и независимо от их приоритетности. Поэтому метод «филиации идей», который часто используется для объяснения становления социологии, может совсем не сработать. Он что-то объясняет, но для создателей социологии, с их амбициозностью, он совсем не подходит. Поэтому мы снова вернемся к романтикам, но на этот раз к предпосылкам самого романтизма, так как называть идеи просветителей прямыми предпосылками социологии не диалектично и ненаучно. Между тем, в литературе такой подход был использован еще Г.В. Плехановым в его работах, посвященных истории общественной мысли [15–16].

Итак, снова романтизм. Но прежде чем сложиться в своей зрелой форме, романтизм прошел ряд стадий, в том числе и стадию, когда о романтизме еще и речи не было. Он формировался в таких еще не названных формах, которые явились духовными предпосылками романтизма как доминирующей формы культуры в дальнейшем. Такой романтизм мы могли бы назвать предромантизмом, как это уже стало принято называть в современной филологической науке [17–19]. Только к оценке этого периода мы должны подойти социологически. В этом случае романтизм будет отличаться от предромантизма не набором определенных имен и черт их творчества, как это можно заметить, читая филологические работы, а его местом в духовной структуре общества.

В частности, нельзя не заметить, что в творчестве Руссо доминирует моральный фактор, а не эстетический, поэтому он осуждает общественный прогресс. « Науки и искусства, ..., – утверждает Руссо, – обязаны своим происхождением нашим порокам: мы бы меньше сомневались в их достоинствах, если бы своим происхождением обязаны они были нашим добродетелям» [20]. Для Шиллера сама эстетика тоже еще служит моральному воспитанию, поэтому он призывает: «Не время теперь так заботиться о своде законов для эстетического мира, когда гораздо больший интерес представляют события мира морального» [21]. Дешан прямо отмечает, что «искусства эти нужны были для осуществления истины и состояния нравов» [20, 105], «между тем истинная мораль для человека в обществе – все» [21, 138]. Таким образом, на стадии предромантизма мораль выше искусства. Не случайно и то, что сама эстетика еще только возникает. Для романтизма стадии зрелости этим «все» становится искусство и выражаемые (творимые!) им эстетические отношения. Следовательно, предромантизм важен для становления социологии своей моральной мотивацией, которая стала исчезать в период зрелого романтизма, а в период неоромантизма (Леонтьев, Ницше и др.) она была вытеснена вообще мотивацией эстетической. Эстетика стала этикой. Но для эпохи классического романтизма, но со стремлением критически преодолеть его (Конт, Маркс им др.), сильная моральная мотивация сохраняет свое значение. Без нее не было бы ни позитивистской социологии Конта, ни материалистического понимания истории К. Маркса.

Важно обратить внимание еще на одно обстоятельство. Обычно отмечается, что романтизм стал ответом на крах рационалистического познания, который потерпела социальная мысль в ходе Великой Французской революции, идеи которой были возвращены Просвещением с его культом рациональности и прав человека. Приведу лишь одно типичное высказывание: «Возникновение романтизма связано с разочарованием в идеях просветительства, возлагавшего надежды на строительство справедливого общества на разумных началах, с реакцией на углубление острых противоречий цивилизации. Романтики резко дистанцировались от современного им экономического и социального порядка, считая его недостойным человеческой личности». В шестой главе этого же труда автор подчеркивает: «Творчество романтиков, пришедшее на смену просветителям, не только формулирует принципиально новый взгляд на искусство, но и вырабатывает особый язык теоретической мысли об искусстве, обогащенный новыми понятиями и категориями» [22]. Но если это так, то довольно трудно будет понять, чем обусловлен специфический характер самой французской революции, в чем состоит ее духовная мотивация и чем обусловлен социально-художественный облик этой революции. Но как только мы будем исходить из того, что Французская революция вдохновлялась романтизмом, так многое в революции получит свое теоретическое объяснение. Ее эмоциональная яркость, идеологические метания и пугающая жестокость вызваны тем, что идеология этой революции была не только рационалистическо-просветительская, но и рационалистическо-романтическая. Так, известно, что Маркс называл якобинцев «фантазирующими террористами» [7, 55].

Таким образом, в предромантизме создается эстетика как особая форма познания и сильны художественные элементы, но *нет еще эстетизма*, поэтому все эстетические идеи подчинены морали. Социологически значима именно эта сторона проблемы. Для социологии суть романтизма не в том, что говорят сами о себе романтики и что они дают в своих произведениях с точным реестром того, чем отличается романтизм одного автора или страны от романтизма другой. Для нас важно подчеркнуть, что романтизм стал формироваться уже в недрах Просвещения и своими ранними формами оказал влияние на ход многих событий конца XVIII – начала XIX веков, приведших к необходимости и возможности создания социологии. Оказал влияние, но не имел еще статуса осознанной и доминирующей формы культуры и общества.

Как только романтизм становится частью и господствующей формой общей культуры, выйдя из зародышевого состояния, так его суть приобретает социальный характер и начинает фиксироваться историками, философами и социологами (Берк, Кант, Гегель, Луи Блан, Минье, Тьерри и др.). И эта суть не в том, что только просветительская идеология была предпосылкой французской революции, а романтики ее духовными могильщиками, как это обычно понимается. Скорее, наоборот: именно романтически ориентированная идеология просветителей стала духовным истоком французской революции, придав ей весь блеск, величие и трагизм. И просветители в эту революцию вошли не своей рациональностью, а иррационалистической составляющей. Если бы вожди французской революции не были романтиками в социальной области, то они, подобно Вольтеру и Руссо, свою жизнь закончили бы в тиши кабинетов при написании теоретических трудов и воспоминаний, а не под ножом гильотины. Скорее всего, рационалистами в этот период были Сен-Симон, Фурье, Оуэн и другие утописты, верившие в то, что с помощью разума можно разработать проект наилучшего устройства общества и убедить в необходимости его построения все общество.

Источники общественного развития глазами историков-романтиков. Хорошо известно, что социологическая мысль еще очень молода по сравнению с исторической наукой. Поэтому становление социологии не могло произойти вне влияния «матери всех наук». И такое влияние было и очень сильное, если не доминирующее. Только не всей исторической науки, а ее отдельного направления, которое, опять-таки, близко к романтизму или включается в него. Была у этих авторов сильна и социологически значимая составляющая, которая непосредственно примкнула к своду социологических идей.

Что касается социологически точных констатаций, то их можно будет найти в работах названных уже первых историков-романтиков Минье, Тьерри, Карлейля, которые показали, что весь ход и результаты Французской революции определялись борьбой сложившихся классов и партий, а не социально-философскими идеями.

Например, О. Тьерри, ученик Сен-Симона, которым стал после Тьерри О. Конт. С работ Тьерри в исторической науке стала распространяться идея классовой борьбы. В 1820 г. Он опубликовал «Письма об истории Франции», в которых утверждалось, что «лучшая часть наших анналов. Самая трудная, самая поучительная, должна быть еще написана; нам еще не хватает истории граждан, истории подданных, истории народа» [24, 10]. Понятно, что подобные идеи не могли не повлиять на становление социологии. В этих идеях видно влияние Сен-Симона на творчество Тьерри, но характер изложения, методы, которые он использует, безусловно, носили романтический характер. На творчестве Тьерри мы видим ранний опыт взаимодействия социологии и исторической науки. И для нас важно то, что этот опыт осуществлен в эпоху, когда господствовали романтические идеи, которые способствовали взаимодействию различных наук, поскольку метод воображения и синтеза, диктуемый эстетизмом, неизбежно ведет к интеграции всех социальных знаний.

В подобном же духе рассуждали и писали другие историки-романтики. Например, Т. Карлейль писал: «Что касается формулы жирондистов, предлагающей respectable республику для средних классов теперь, когда всякая аристократия основательно разгромлена, то мало оснований ожидать, чтобы дело остановилось на этом. Свобода, Равенство и Братство — таков выразительный, пророческий лозунг. Может ли быть осуществлением их республика для почтенных, белолицых средних классов? Главными двигателями Французской революции, как всегда будет при подобных революциях во всех странах, были голод, нищета и тяжелый кошмарный гнет, давивший 25 миллионов существ, а не оскорбленные самолюбия или спорные воззрения философствующих адвокатов, богатых лавочников и земельного дворянства» [23, 431]. Под этими словами мог бы подписаться любой ортодоксальный марксист, а сказаны они были в 1837 г., когда Маркс еще был студентом Берлинского университета и приверженцем философии Гегеля. И звучит для современной России актуально.

И все же нельзя недооценивать и роль идейных предпосылок во Французской революции, которые представлены творчеством предромантиков. Иначе как объяснить, например, следующий пассаж у самого Т. Карлейля, если игнорировать настроения, чувства этого этапа культуры, которые стали источником вдохновения всех активных участников Французской революции: «Надежда наша была тогда ярка, как солнце; теперь она стала злобно красной, как пожирающий огонь. О боже, что за чары, что за дьявольское наваждение делают то, что полное счастье, которое так близко, что до него рукой подать, никогда, однако, нельзя схватить, а вместо него лишь раздоры и нужда? Одна шайка предателей за другой! Трепещите, изменники; бойтесь народа, называющегося терпеливым, многострадальным, он не может вечно покоряться тому, чтобы у него вытаскивали таким путем из карманов Золотой Век! Да, читатель, в этом-то и чудо. Из этой вонючей свалки скептицизма, чувственности, сентиментальности, пустого макиавеллизма действительно выросла такая вера, пылающая в сердце народа. Целый народ, живущий в глубокой невзгоде, проснувшись к сознательности, верит, что он у преддверия братского рая на земле. Он протягивает руки, стремится обнять невыразимое и не может сделать это по известным причинам. Редко бывает, чтобы про целый народ можно было сказать, что он имеет какую-нибудь веру, за исключением веры в те вещи, которые он может съесть или взять в руки. А когда он получает какую-нибудь веру, то история его становится захватывающей, замечательной» [23, 433–434]. Я специально выписал эту длинную тираду, чтобы показать ее контраст ранее приведенному фрагменту о борьбе классов в революции. Тут мы видим Карлейля-романтика, который верно уловил своим настроением и оценкой характера этой революции — духовный настрой самой революции. И видно, как в этой длинной цитате перечисляются те духовные элементы, которые и составляют содержание идей ран-

них романтиков: метафоричный стиль речи, нагромождение контрастных ситуации, эмоциональная приподнятость, переходящая в экстаз. Короче, как говорит сам Карлейль, «свалка скептицизма, чувственности, сентиментальности, пустого макиавеллизма». Как можно видеть, Карлейль мог быть и романтическим, и пронизательным, одновременно.

Таким образом, историки-романтики стали рассуждать социологически раньше, чем появилось само слово «социология». Мы об этом уже говорили, когда отмечали, что Ж. де Сталь в 1808 г. создала труд «О литературе, рассмотренной в связи с общественными установлениями», который с полным правом можно отнести к отрасли, которая сейчас называется «социология литературы». Данный факт уже отмечался в отечественной литературе [24, 20]. Добавим только, что данный «заход» становления социологии важен для понимания процесса становления русской социологии, в которой социология с самого начала приобрела художественно-критическую форму.

Причины дифференциация типов социальной рациональности. Сделаем определенные выводы из проведенного анализа. В частности, мы можем отметить, что на этапе становления социологии обнаруживаемая рациональность оказалась различной. Так что обращение к разуму, к здравому смыслу, как критерию истины, чего было достаточно в век Просвещения для «вынесения приговора» над историей или в понимания социальных явлений в новую эпоху уже не срабатывало. Рациональность, которую культивировали просветители, наследуя ее от Декарта, имела успех в области естественных наук, но пасовала перед социальными проблемами. Поэтому просветители – это социальные романтики, дополняющие свое социальное творчество художественными произведениями. Историки-романтики нашли новую рациональность в деятельности народа, основной движущей силы истории, и все сделали для того, чтобы заложить принципы толкования и описания характера нового здравого смысла, источником которого является не социальная элита, а массовые и действующие исторические субъекты. Что касается рационализма утопистов, то он имеет социальную направленность, но по отношению к будущему, а не к прошлому. Между тем как романтики времен революции черпали свои образы, мысли и примеры из подражания героям времен античных республик и революционного прошлого других стран (Нидерланды, Англия, США). И в таком подражании они не могли избежать эстетизма ив своей социальной деятельности

Известно, что толчком к разворачиванию революционных событий во Франции стало освободительное движение в США. Но при этом важно напомнить и тот факт, что социальная мысль этой поры выражалась больше не в научных трактатах, а художественным языком декларативного типа. Важно было не доказать, а убедить, заставить поверить. Сами эти декларации, став государственными документами, затем превращались в культовые тексты, которые до сих пор рассматриваются таким образом. Поэтому американские просветители в революции – это уже социальные романтики, дополняющие свое социальное творчество яркими образами и культовыми произведениями, которые брались за основу принятия решений и действий. Источником аргументации и мотивации чаще были личные примеры и живое художественное слово, чем ученые трактаты. Иначе говоря, духовными предпосылками, толчком к действиям были примеры освободительного движения времен античности или в США (Ж. Лафайет, Т. Пейн и др.) или художественные произведения (Ф. Вольтера, Ф. Шиллера, Ж.-Ж. Руссо, А. Попа и др.). Таким образом, в действительности не выдержали испытания революцией не просвещение, а его иррациональные элементы вместе с их носителями. Просветители, став революционерами, добивались поддержки своих идей не путем научного убеждения, а примером и художественным словом. В революции эстетический фактор действует эффективнее, чем научный. Но как только наступает период преобразования общества, так требуется жесткая рационализация, которая по отношению к обществу во время французской революции носила утопичный характер: как по отношению к прошлому, так и по отношению к будущему.

Поэтому на ход Французской революции, ее характер и результаты оказал воздействие ранний романтизм эпохи просвещения, придав ей иррациональную яркость, религиоз-

ную экзальтированность и личностную радикальность. По сути дела сама революция была результатом руководящей деятельности социальных романтиков, поверившись в возможность одним махом и быстро осчастливить все человечество.

И все же революция потерпела поражение, поэтому обычно отмечается, что романтизм был реакцией на это поражение. Что не вполне справедливо, так как революция потерпела поражение с точки зрения ее идейных вдохновителей, радикальных вождей и их сторонников, но только не тех, кто воспользовался плодами этой революции (третье сословие) или тех, кто иного исхода и не ждал от этой революции (деятели Реставрации). Видимо, утверждение о том, что романтизм с его культом воображения был одним из следствий революции, объясняется чисто логически: раз строгий рационализм, якобы, терпит поражение в действительности, то беспокойная мысль людей, недовольных результатами общественной деятельности, неизбежно начинает метаться в поисках другого пути и способов познания. Но дело в том, что строгого рационализма в Просвещении не было, так как в толковании социальных явлений доминировала иррациональность. Так что метания мысли у вождей и вдохновителей французской революции было не меньше, чем у романтиков. Скорее всего, романтики стремились преодолеть метания мысли, но не достигли этого, поэтому социальная мысль романтиков так и осталась мятущейся. И эти метания мысли объявляются содержанием романтизма. Все это было бы верным, сели бы мы не знали, что романтики выразили себя не только в области социальной мысли, а в особой культуре, духом которой до сих пор держится вся современная культура. Так что социальная мысль, существуя в контексте культуры романтизма, имела ту форму и тот уровень развития, который определялся во многом границами самой этой культуры, очертания которой мы до сих пор очень плохо знаем.

И еще один вывод: романтизм с социокультурной точки зрения имел свои более ранние и глубокие корни, поэтому его появлению в конце XVIII века было переходом романтизма в его морализаторской форме – в форму эстетизированную, с которой связан романтизм в его классической форме. Именно на этой стадии развития романтизма и возникает социология. Наша задача состоит в том, чтобы показать не случайность этого процесса. В следующей статье будет продолжено решение этой задачи.

Библиографический список

1. История уродства / под ред. У. Эко. – М.: Слово, 2007. – 456 с.
2. **Розенкранц, К.** Гармония в карикатуре / К. Розенкранц // <http://www.ec-dejavu.net/c-2/Caricature.html>
3. **Козырьков, В.П.** Социокультурная трансформация эстетизма в становлении информационного общества // Управление в социальных системах. Коммуникативные технологии: тр. НГТУ им. Р.Е. Алексеева. – Н. Новгород 2010. №2. С. 6–16.
4. **Дьяков, А.В.** Жан Бодрийяр: Стратегии радикального мышления / А.В. Дьяков. – СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2008. – 357 с.
5. **Шестаков, В.П.** Мифология XX века: Критика теории и практики буржуазной «массовой культуры» / В.П. Шестаков. – М.: Искусство, 1988. – 213 с.
6. **Козырьков, В.П.** Генезис эстетизации общества и социологии // Управление в социальных системах. Коммуникативные технологии: тр. НГТУ им. Р.Е. Алексеева. – Н. Новгород. 2010. Т. 81. С. 6–15.
7. **Лифшиц, М.** Собр. Соч.: в 3 т. Т. 1 / М. А. Лифшиц. – М.: Изобразительное искусство, 1984. – 432 с.
8. Стендаль. Собр. соч.: в 15 т. Т. 7. – М.: Изд-во «правда», 1959. – 390 с.
9. **Маньковская, Н.Б.** Постмодернизм в науке. Эстетизация науки / Н.Б. Маньковская // http://www.i-u.ru/biblio/archive/mankovskaja_estetika/05.aspx
10. **Глазычев, В.Л.** Гемма Коперника. Мир науки в изобразительном искусстве / В.Л. Глазычев. – М.: Советский художник, 1989. – 416 с.
11. **Гулыга, А.В.** Немецкая классическая философия / А.В. Гулыга. – М.: Мысль, 1986. – 166 с.
12. http://ru.wikipedia.org/wiki/Гумбольдт,_Вильгельм.

13. Гумбольдт, В., фон. О духе, присущем человеческому роду / В. фон Гумбольдт // Гумбольдт В., фон. Язык и философия культуры. СПб.: С.-ПбГПУ им. А.И. Герцена, 2000. – 450 с.
14. Ильенков, Э.В. О воображении / Э.В. Ильенков // <http://caute.net.ru/ilyenkov/texts/imaginat.html>
15. Плеханов, Г.В. К вопросу о развитии монистического взгляда на историю // Плеханов Г.В. Избр. филос. произв.: в 5 т. Т. 1. – М.: Политиздат, 1956. – 730 с.
16. Плеханов, Г.В. Очерки по истории материализма / Г.В. Плеханов // Плеханов Г.В. Избр. филос. произв.: в 5 т. Т. 2. – М.: Политиздат, 1956. – 194 с.
17. Ладыгин, М.Б. Предромантизм в мировой литературе / М.Б. Ладыгин. – М.: НОУ Полярная звезда, 2000. – 74 с.
18. Соловьева, Н.А. История зарубежной литературы. Предромантизм / Н.А. Соловьева. – М.: Academia, 2005. – 272 с.
19. Луков, В.А. Предромантизм / В.А. Луков. – М.: Наука, 2006. – 683 с.
20. Руссо, Ж.Ж. Рассуждение, получившее премию Дижонской академии в 1760 году по вопросу, предложенному этой же академией: «Способствовало ли возрождение наук и искусств очищению нравов?» Ж.Ж. Руссо // <http://www.kursach.com/biblio/0001009/000.htm>
21. Дешан, Л.-М. Истина, или Истинная система / Л.-М. Дешан. – М.: Мысль, 1973. – 532 с.
22. Кривцун, О.А. Эстетика / О.А. Кривцун // <http://www.deol.ru/users/krivtsun/aest6.htm>
23. Карлейль, Т. История французской революции / Т. Карлейль. – М.: Мысль, 1991. – 575 с.
24. Шиллер, Ф. Письма об эстетическом воспитании человека / Ф. Шиллер // <http://vpn.int.ru/files-view-3549.html>
25. Сад М. де. Сто дней содома / Маркиз де Сад // <http://lib.ru/INOOLD/DESAD/120dnej.txt>
26. Асмус В.Ф. Шиллер об отчуждении в культуре XVIII в. // Асмус В.Ф. Историко-философские этюды. М.: Мысль, 1984. – 182 с.
27. Лукач, Д. Молодой Гегель и проблемы капиталистического общества. – М.: Наука, 1987. – 615 с.
28. Фейербах, Л. Избр. филос. произв.: в 2 т. Т. 2. – М.: Политиздат, 1955. – 935 с.
29. Далин, В.М. Историка Франции XIX–XX веков / В.М. Далин. – М.: Наука, 1981. – 327 с.
30. Аникст, А.А. О жизни и творчестве Жермены де Сталь / А.А. Аникст // Сталь Ж. де. О литературе, рассмотренной в связи с общественными установлениями. – М.: Искусство, 1989. – 476 с.

*Дата поступления
в редакцию 28.06.2011*

V.P. Kozirkov

AESTHETICISM AS A FACTOR IN FORMATION AND DEVELOPMENT OF SOCIOLOGY: ROMANTICISM AS ASOCIOCULTURAL SPACE FORMATION OF SOCIOLOGY

Traced the inner interaction of the process of public relations and aesthetic development of sociology in the context of the development of spiritual culture.

Key words: aestheticism, SOCIOLOGY, romanticism, social and cultural analysis, aesthetic quality, the types of social rationality.